

ДАННОСТЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА В СИСТЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

А.А. Атанов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
15 июля 2019 г.

Дата принятия к печати
30 августа 2019 г.

Дата онлайн-размещения
12 сентября 2019 г.

Ключевые слова

Экспертная оценка;
экспертиза; эксперт;
институт; действительность;
данность; знание; познание;
гуманитарное знание;
гуманитарное познание; право;
образование; культура

Аннотация

В статье анализируются такие формы получения и обработки информации в системе научного и ненаучного знания, как экспертиза и экспертная оценка. В контексте понятий «знание» и «познание» вводятся ограничения на области применения экспертного подхода. Структурируется понятие «экспертиза» в соотношении с понятийными основаниями, реализуемыми в институциональном подходе. Для анализа понятий «экспертиза» и «экспертная оценка» использована методология психологических и философских наук: психоаналитический анализ, анализ, синтез, моделирование в понятийных основаниях структурного метода. Создана логическая последовательность методологических приемов в системе гуманитарных наук, позволяющая получать новые результаты. Основанием для использования указанных методологических подходов является построение единого культурного и смыслового пространства, позволяющего понятийно определить институциональные процессы.

ENTITY, REALITY, EXPERTISE IN SYSTEM OF HUMANITARIAN SCIENCE METHODOLOGY

Andrei A. Atanov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
July 15, 2019

Accepted
August 30, 2019

Available online
September 12, 2019

Keywords

Expert evaluation; expertise;
expert; institute; reality;
entity; knowledge; cognition;
humanitarian knowledge;
humanitarian cognition; law;
education; culture

Abstract

The article analyses such forms of obtaining and processing information in the system of scientific and non-scientific knowledge as expert evaluation and expertise. The context of concepts «knowledge» and «cognition» evolves restrictions to the fields of using an expert approach. The concept «expert evaluation» is structured in correlation with conceptual basics implemented in the institutional approach. For analyzing the concepts «expert evaluation» and «expertise», the methodology of psychological and philosophical sciences is used: psychoanalytical analysis, analysis, synthesis, modelling in conceptual basics of the structural method. The article creates a logical consequence of methodological devices in the system of humanitarian sciences that allow to obtain new results. The ground of using of the mentioned methodological approaches is building an integral cultural and semantic space that allow to conceptually determine the institutional processes.

В современном мире огромное значение имеет экспертиза и система экспертных оценок для придания большей достоверности полученным результатам или просто для фиксации результата. К сожалению, при проведении экспертизы весьма часто

забывают о том, что необходимо учитывать важнейшее основание экспертной оценки, заложенное в ее структуру, — систему ограничений. Данное обстоятельство довольно часто упускается из виду при анализе данных, полученных при экспертизе. В отношении

полученной экспертной оценки, в отличие от результатов научного анализа, речь идет не об исследовании, не о процедурах понимания, не о процессе познания, а прежде всего о данности в контексте логических и понятийных границ экспертизы. По той причине, что форма экспертизы субъектна и опирается на имеющийся у эксперта опыт, она не соответствует результирующим основаниям научного познания, которое выражает себя только в новом знании, а не в уже имеющемся опыте. Исходя из этого возникает необходимость разобраться, что же такое экспертиза и в какой степени она может быть адекватна процессу познания и полученному в результате познавательной деятельности знанию. В любом случае нам понадобится выстроить понятийные последовательности, характеризующие как экспертизу, так и экспертную оценку, поскольку в настоящее время, к сожалению, нет другой формы для выражения знания и познавательных процедур, несмотря на то что экспертиза имеет характер, связанный не с познанием, а, скорее, с процедурой.

Первый вопрос, ответ на который нам необходимо получить, насколько экспертиза экспертна. В первом приближении к понятийному выражению экспертиза — это определение и установление границ. Причем определяются границы данности (работа идет с данными), а не действительности, так как ограничение в форме экспертной оценки не имеет естественный характер, а вводится как искусственная структура, включаемая в определение на основании логики и предшествующего опыта, а не в форме следования за процессом познания. Отсюда следует очевидный вывод, что сама экспертная система по своему временному генезису отнесена не к настоящему, а к прошлому. Возможность следования за процессом только тогда актуальна, когда выходит за личные границы индивида и определяется структурой действительности как формой возможного следования за процессом, а не возникает из форм предписаний, обусловленных личными предпочтениями или убеждениями, даже если они выражены корпоративно или институционально.

Отсюда следует, что в контекст исследования проблематики, связанной с анализом экспертизы, необходимо ввести институциональный аспект. Предположим, что экспертные предписания относятся к прошлым результатам научного познания, тогда в системе экспертизы происходит указание на прошлое научной действительности, закрепленной в социальных формах опыта. Кроме

того, мы не можем отрицать того факта, что наука является социальным институтом со всеми присущими ему особенностями. Поэтому при описании форм действительности, связанных с наукой, тема действительности науки как института и тема действительности науки как формы познавательной активности, а также тема действительности изучаемого в рамках той или иной науки процесса (процессов) относятся к разным основаниям. Термин «действительность» в этих основаниях является несовпадающим в смысловом плане, так как указывает на совершенно различные обобщенные структуры: институт; познание; протекающие процессы. Если в целях упрощения анализа ввести обобщающий термин «действительность», то адекватно его можно определить только в рамках философского знания, что не всегда является подходящей формой для реализации экспертной оценки. Кроме того, оценка, если она относится к третьему случаю (протекающие процессы), усложняется еще и потому, что есть действительность процесса и есть данность процесса. Данность, описываемая в экспертной оценке, может быть предельно упрощена, это происходит в том случае, когда экспертиза опирается на готовые предписания. В другом случае фиксируемая данность в экспертном описании предельно усложнена, но не из-за оснований сложности или неопределенности происходящих процессов, а из-за того, что экспертиза включена в контекст институциональной организации науки. В результате создается экспертная оценка, в которой на равных сочетаются действительность науки как социального института и данность экспертного определения, что совершенно очевидно относится к сложным задачам, но, к сожалению, не относится ни к знанию, ни к познанию, а только к институциональной организации экспертизы и науки.

Для понимания сложности указанной нами проблемы экспертизы в системе именно институционального основания можно в целях большей наглядности сослаться на институт права, который и в прямом, и в косвенном виде присутствует в экспертизе и экспертной оценке. Право, если его взять в общем теоретическом основании его действительности, должно отстаивать права и опираться на принцип справедливости. Данность права организована именно как социальный институт, а не как форма его действительности (справедливости и права как такового), реальные процессы, происходящие в праве, взятые в институциональном плане, не существуют ни как теоретические конструкты, ни как поня-

тия. В данности право приобретает состязательный характер. В этом контексте оно не имеет задачей показать действительное или реальное положение вещей, а полностью опирается на мнение экспертов — судей, прокуроров, следователей, адвокатов и т.д., которые порождены самой правовой системой-институтом. Реальные люди, которые в силу выполняемых ими профессиональных обязанностей включаются в социально-институциональную данность права, опираются не на теоретические конструкты права, а на «реальное» положение вещей и процессов в социуме, отражаемое через призму правового рассмотрения. «Реальность» данности права, о которой мы сейчас говорим, в своей реализации опирается на огромное количество формальных и неформальных институтов, где понятия права и справедливости носят весьма относительный характер и определяются не понятийно, как в науке, а именно как лично понятое, тогда как понятие, взятое как теоретическая конструкция, должно отражать реальное положение вещей, людей, процессов в социуме через систему права, тоже выраженную через понятия и категории, которые должны быть даны хотя бы в четкой определенности должного и недолжного, в том числе через реальные закономерности общественной жизни, что весьма противоречит теоретическим конструктам права. Связи, деньги, влияние, личные отношения — они есть в реальном праве, но выражаются через формальные или неформальные институты, а не в форме понятий. Здесь и возникает базовое противоречие между действительностью и данностью права. Существенной особенностью в разрешении противоречия должно быть уменьшение влияния формальных и неформальных общественных институтов на право, т.е. право как данность должно в минимальной степени влиять на правовые решения, касающиеся жизни и имущества людей. Это связано с тем, что в рамках права как данности не существует понятийных структур реальности, они замещены устойчивыми статусными стабильными социальными основаниями, отсылающими к прошлому, что и создает поле для существования экспертной данности, и так искаженной, при этом еще дополнительно искажаемой живущими в ней институциональными образованиями, не имеющими никакого отношения к праву как к действительности.

Объясним теоретические построения через практику. Предположим, судье дали взятку за решение дела в пользу одной из

сторон. Тогда в данном случае опыт эксперта-судьи — это опыт взяточника, но в результате действия или бездействия судьи возникает целая цепочка причин и следствий, поддерживаемая всей системой права. Личное решение судьи, основанное на частном интересе, превращается в решение суда и оглашается именем Российской Федерации. Внешне все это кажется законным, по сути же абсолютно незаконно, хотя формально и соответствует критериям законного, судья ведь эксперт и соблюдает внешние формы законности в форме юридически грамотного описания своего решения. Можно довести эту тему до логического конца, сославшись на то, что есть апелляция и кассационная инстанции, но данность этих замечательных инстанций совсем не связана с действительностью права, решения здесь принимают судьи, знающие нашего судью-взяточника, в том числе и судья (даже если он (она) не в доле, что тоже крайне маловероятно), курирующий нашего взяточника. Тогда и апелляция, и кассационное решение будут закрывать имеющиеся в решении суда противоречия в пользу нашего судьи-взяточника. Задача стороны, чьи права нарушены, дойти до тех судей, которые вне социальной цепочки взяточников, тогда на практике это совершенно другие судебные инстанции. Теоретически эти инстанции должны опираться на понятийные основания права, но на практике мы оказываемся в институциональном пространстве. Судьи, читающие решения других судей, могут обратить внимание на несообразности дела только в случае, если наделано гигантское количество формальных судебных ошибок. А если дело состоит не из прямых нарушений, а лишь из другого истолкования событий и фактов?

В реальности стороны и участники процесса знают действительное положение вещей, но решение судьи будет основано на данности взятки, которая уничтожает действительность права и закона и создает действительность другой реальности, где нет права и закона, а есть сложившееся в результате судебного решения искаженное положение вещей. Предположим, как доказать факт совместного проживания или непроживания, факт совместного ведения или неведения хозяйства, а ведь именно от истолкования этих фактов зависит объем и характер собственности «совместно» нажитого имущества. На нарушения в истолковании имеющихся событий пойдет недобросовестный супруг. Тогда судья-взяточник, действующий в угоду недобросовестному

супругу, своим решением изменяет действительное положение вещей, о котором знают оба супруга, и в результате возникает новая реальность, где «законно» и по «праву» ограбили одного из супругов. Судье можно всего лишь не заниматься изучением фактов, а оставить все в формальной плоскости, типа как оно есть в свете формального рассмотрения обстоятельств дела. Это ведь тоже экспертное решение. Я не говорю, что все судьи — взяточники, но все судьи — эксперты, и если у эксперта включен институт взяточничества, то его решение будет соответствующим не институту права, а институту взяточничества. Именно это и есть локальная данность, с которой соприкасаются люди, а отнюдь не действительность права.

Необходимо иметь в виду, что возникает еще одна понятийная последовательность, выражающая себя не через право, а через закон. Всем хорошо известна дилемма духа и буквы закона. Обратим внимание на появление нового понятия — закон, которое должно снимать противоречие между данностью и действительностью права, переводя его в совершенно другую понятийную плоскость, но через понятийную фиксацию духа и буквы закона, создается четкая дихотомия данности и действительности, которая разрешается в поле сил, действующих на происходящие процессы формальных и неформальных институтов, вполне возможно исходя совсем не из принципа справедливости.

Приведем пример из практики. В своей статье Т.Л. Муzychuk, С.Б. Пономарев, А.А. Бурт, Б.А. Спасенников ссылаются на следующие обстоятельства: «Опыт проведенного исследования убеждает, что в современных условиях следует шире развивать взаимодействие пенитенциарной системы с местным муниципальным здравоохранением, шире привлекать к лечебно-профилактической работе специалистов государственной и муниципальной систем здравоохранения. Нужно обеспечить медицинскими, социальными и педагогическими специалистами дома матери и ребенка уголовно-исполнительной системы. Деятельность Федеральной службы исполнения наказаний, иных государственных структур, которые занимаются вопросами охраны материнства и детства в этом направлении, имеет особую значимость для общества и государства» [1]. Из этого следует, что даже опыт правоприменения свидетельствует о том, что невозможно решить конкретную правовую проблему, не рассматривая ее через призму сопряженных с ней социальных институтов:

пенитенциарная система связывается с системой здравоохранения, лишь тогда возможно решение практических задач, связь столь разнородных систем возможна только при построении адекватной понятийной структуры, а не через отсылку к институциональной организации пенитенциарных и здравоохранительных систем в России.

А.П. Суходолов, М.А. Калужина, Б.А. Спасенников, В.С. Колодин отмечают, что «характерной особенностью использования метода «модус операнди» можно назвать необходимость абстрагирования от конкретного преступления, особенно в том случае, когда первоначальных фактических данных недостаточно для расследования конкретного преступления и селективного поиска преступлений, совершенных аналогичным способом, посредством тех же орудий и средств, в типичных обстоятельствах. Такой подход позволяет расследовать другие преступления, совершенные тем же лицом или той же группой лиц, установить пути реализации преступных замыслов, способ организации преступной деятельности, собрать недостающие для раскрытия преступления доказательства» [2, с. 389]. И здесь мы наблюдаем приоритет научного понятийного мышления над институциональной организацией, иначе правоохранительная практика оказывается неработающей. Как видим из рассуждений специалистов, правоохранительная деятельность, основанная на опыте, не может заменить собой процедуры понятийного мышления: сбор фактов, абстрагирование, систему доказательств. Причем, по мнению специалистов, именно корректное теоретическое построение и описание задачи позволяет решить ее на практике.

В системе экспертной оценки в науке слишком сильно выражено институциональное содержание, хотя исходя из внешней логики данности формально оно должно быть меньше, ведь в отличие от права наука в большей степени привязана к познавательным, а не к социальным процессам, даже если познается социум. Наука как форма действительности должна быть привязана к реальным процессам и фактам, изучаемым в тех или иных науках. В экспертной оценке акцент делается на мнение научного сообщества, причем не мнение сообщества, взятого как целое, а мнение отдельных представителей этого научного сообщества, которым делегированы полномочия эксперта. Возникает вопрос: кем делегированы? Ответ очень прост, наука в этом случае трансформирована в социальный институт со

всеми присущими институту особенностями. В результате в ситуации экспертизы и экспертного заключения в качестве одного из возможных оснований полностью отсутствует свобода, в том числе как свобода выражаемого и описываемого наукой процесса, а также как свобода в следовании за фактами и явлениями соответствующей науки. Экспертиза — это не про свободу.

И еще один важный аспект экспертизы: в ней речь идет не о реальных процессах, происходящих в действительности, а о системе возможных ограничений познания и знания, выработанных в ситуациях прошлого. Если довести ситуацию понимания этой проблемы до логического абсурда, то это примерно как доверить механицисту XVIII–XIX вв. выступить в качестве эксперта по квантовой механике.

Эксперты и экспертиза необходимы, но только в областях, где требуется полная определенность и где есть жесткие, четко выстроенные основания, функционирующие как необходимые, такие как оценка качества, оценка произведенного продукта или четко определенной технологии (технологической схемы), или же это процессы, где есть технологический регламент, где исследование нужно только в системе выверенных и подтверждаемых критериев. Как с указанными областями экспертной оценки можно соотносить науку и образование? В экспертизе мы имеем дело не с процессом, а с удержанием процесса в системе знакомых определений. Тот ли это процесс — большой вопрос, так как в экспертизе увязываются вместе процесс, определение процесса, прошлое, границы и субъект. Экспертная данность внешне оформлена, но соответствует ли она действительности или процессу? Кроме того, нужно иметь в виду, что любая инновация — это новизна и проход в будущее через систему настоящего, для оценки которой в момент ее оформления и вхождения в реальность не существует критериев, кроме тех, которые есть у создателя инновации.

Возьмем такой частный пример, как университетское образование. Первое, что делают эксперты, — это определяют и очерчивают его границы. Но на то, что происходит с обучающимся в университете и для чего вообще предназначен университет, есть несколько точек зрения. С одной стороны, университет — это форма социализации индивида и место для обретения новых социальных связей (наиболее четко можно пронаблюдать это в университетах с давней историей): студенческие корпорации, тайные общества, форма одежды, связи с бывшими выпускниками.

С другой стороны, университетское образование в привычном нам виде, если его рассматривать как данность, четко структурировано, причем не темой возможностей и новизны, а темой его исторически оформленной данности, которая определилась как сущность в XIX в., когда университеты приобрели привычную для нас форму. Если описывать университет как эту форму, то она связана с темой способностей обучающегося (способности либо есть, либо отсутствуют), процесс образования сущностно связан с темой способностей и соотносится с ней как естественная данность. Индивид или обладает способностями для получения образования, или нет, причем форма выражения одна-единственная — это подтверждение имеющихся способностей. Процесс обучения осуществляют люди, которые уже подтвердили свои способности через тему соответствия университетской среде. Сопряжение университета и студента происходит по линии способностей, и оценка носит индивидуальный характер, который никак не может быть переведен в обобщенную форму. Способность, информация и обучение не могут быть коррелированы по единому принципу. Небольшой пример: А. Эйнштейн всю жизнь оставался приверженцем детерминизма, усвоенного в школе, что весьма сильно мешало ему разобраться с квантовой механикой, построенной на принципах индетерминизма. Что правильно — детерминизм или индетерминизм? Чему учить? Экспертиза здесь не поможет, так как знание может опираться на совершенно другие принципы, ставшие актуальными именно сегодня. Как объективно через инструментарий данности можно проверить способности? Способность может проверить только человек, у которого есть сходная способность. Если этой способности нет, то передаваемая информация и процессы, с нею связанные, не собирают смыслы и не указывают на смысл. В таких процессах, имеющих принудительный характер, смысл смещен и носит произвольный характер. Форма логически выверенного замечания указывает на способность, переведенную в соответствующую форму. Через форму без содержания научение произойти не может, если нет соответствующих форм передачи, а сущностного соответствия. К чему здесь может быть применена экспертная оценка?

В первом случае в университетской среде создаются и оформляются социальные навыки. Их можно проверить только лично через систему социальной успешности. Или не создаются и не оформляются. Эксперт в обоих случаях, думаю, совершенно бессилён.

Во втором случае проверку наличия способностей может осуществить не эксперт, а специалист, что исторически весьма успешно и делали университеты через систему защиты курсовых, дипломов, диссертаций, сдачу экзаменов. Базовая задача общества — просто не ронять уровень университетской среды. Если эта среда схлопнется, никакие эксперты с формальными оценками ее не реанимируют.

В России существует система федеральных образовательных стандартов. Проверку соответствия вузов стандартам ведут эксперты из надзорных органов в системе формального соответствия и несоответствия стандарту, следуя прежде всего тексту стандарта и юридически определенной нормативной базе. То есть экспертная проверка должна соответствовать нормам в формальном виде, даже если будут проверять знания, умения и навыки студентов, то они будут проверяться формально. Почему? Потому что знания, умения и навыки должны быть переведены в абсолютную проверяемую форму, т.е. в понятия, соответствующие познавательным процедурам, но здесь и кроется противоречие. Понятие — результат познавательной деятельности, а не экспертизы. Как мы определились ранее, экспертиза — это не форма познания, а форма соответствия именуемому. Тогда либо никакие новации в образовании никогда не зайдут, либо же основания экспертной оценки должны быть смещены и отнесены к будущему, а не к прошлому. Как это сделать технически, если генезис экспертизы относится к прошлому и выражает прошлое? Тогда вполне органично, что экспертизу образования начинают осуществлять люди с нормативным мышлением (прежде всего юридическим, проверяющие основания соответствия и несоответствия), при сложившейся системе это вполне нормально. Со стороны же университета, чтобы успешно пройти экспертизу, должны быть разработаны документы и созданы условия, которые полностью соответствуют или приближаются к государственному стандарту. Исполнители стремятся воплотить тему соответствия стандарту, но если юристы имеют системы кодексов, прецедентов и разъяснений, то для государственных стандартов кодексы не разработаны, кодексом является сам текст документа, в данном случае стандарта, что весьма любопытно с логической точки зрения: норма, являющаяся текстом, а не реализующая себя в тексте. Чтобы было понятно, это как кодекс, включающий все возможные описания преступлений и при этом не содер-

жащий в себе нормативной базы, квалифицирующей преступления. Люди, разрабатывающие стандарты, должны видеть тенденции будущего в развитии образования. Как это сделать на практике — большой вопрос. В результате экспертной проверки возникает ситуация, не соответствующая сущностному содержанию образования, так как экспертиза никогда не сможет проверить, аккумулирует ли университет социальные связи, раскрывает или нет способности обучающегося к той или иной специальности.

Государственные стандарты в какой-то степени стимулируют вузы в ведении формальной работы, но экспертная система не создает специалистов и не дает бонусов в развитии социальных связей. Кризис высшего образования характерен не только для нашей страны, это мировой тренд. Востребованы те университеты, которые являются брендами. А бренд, как хорошо известно, — это система социальных сигналов и обозначений. Хороший бренд привлекает хороших специалистов в качестве преподавателей, а также тех студентов, которые ищут новые социальные связи и возможности. Если у меня есть мощные социальные связи, это не то же самое, чтобы быть специалистом в какой-то области знания, я просто могу привлечь лучшего специалиста для решения задач, поскольку обладаю способностью понимать людей, умею считывать их реакции, кроме того, могу выстраивать социальные связи — самый сложный навык в мире людей. Совершенно не факт, что это — тема университетского образования. Дифференциация университетов исторически шла вокруг двух способностей: способность к реализации социальных связей; способность к получению специальности.

Возникает вопрос: находятся ли в свободном доступе для всех людей по-настоящему элитные образовательные структуры? И наверное, нужно иметь в виду, что совершенно не факт, что это знакомые нам университеты. Весьма удачное замечание, подтверждающее наши наблюдения, есть у А.П. Суходолова и И.В. Анохова: «Создателями образов в обществе являются носители ценностей и смыслов, которые генерируют их для изменения информационного поля (внутреннего содержания индивидов и их социального поведения» [3, с. 475].

В экспертизе акцент делается на передачу критериев определенности, подразумевается, что сущность уже выделена и определена. Но сущность указывает на способность, которая может быть проверена по критери-

ям способности, взятой как действительная. Действительность и указывает на наличие и соответствие по меньшей мере двух способностей. Как и какая экспертиза, находящаяся вне способности, может проверить способность? Способность к физике определяется способностью к физике, т.е. имеющейся у индивида объективно выраженной возможностью отнести личное мышление к соответствующему типу процессов (в данном случае физических), либо она есть, либо ее нет. Акцент всегда делается на то, что способность выражается только лично. Эксперт должен превратиться в носителя соответствующей способности, но эксперт — носитель идеи границ, а не идеи способностей, ограничение способности останавливает процесс познания, так как вместо действительности мы начинаем взаимодействовать с данностью, что нарушает концепт университетского образования, ориентированного на способности.

Существует еще одна проблема, связанная с экспертной оценкой. Если мы выделим данности, где необходима экспертная оценка, то, например, у М. Фуко мы можем насчитать несколько базовых сфер, где экспертиза позволяет удерживать сущностные основания, — это дисциплина, безопасность, тюрьма, сумасшедший дом, наказание [4]. Все эти области находятся в сфере экспертной данности, и в них возможна экспертная оценка. Но создание другой формы исторически сложившейся определенности — это творчество, оно основано на изменении границ. Граница здесь находится в свободном движении, что совершенно не соответствует понятийным основаниям экспертизы и может быть определено только творческими людьми, которые реализуют себя в творческом процессе. Оценка творческих достижений не может быть дана экспертами по весьма очевидной причине: нет критериев оценки.

Есть еще одна проблема, на которую нужно указать, — позиция наблюдателя и точка зрения наблюдателя, указывающая на возможную структуру действительности. Ж. Лакан однажды сказал, что «космонавтов не существует, потому что нет никакого космоса. Космос — это точка зрения». Тогда возникает вопрос о корректности высказывания или логического построения, если мы не зафиксировали положение точки зрения или возможной точки мутации. Развитие обозначенной проблемы заключается в том, что мы ничего не можем сказать о знании, «если ничего не знаем об обществе, где оно помещается» [5, с. 40]. По сути, мы получаем отсылку к теме институтов, уже поднятую

в нашем исследовании, но в несколько другом контексте. Ж. Лиотар предлагает нам совместить тему знания и тему знания об обществе, причем, если не реализовано знание об обществе, тема знания раскрыта быть не может. Исходя из этой позиции несколько по-другому определяется позиция Ж. Лакана о космосе как о точке зрения.

Поэтому с целью упрощения решаемой задачи нам необходимо перевести экспертизу в знание или в систему знания. При переводе даже экспертной оценки, а не экспертизы в систему знания возникает ряд сложностей, связанных с определением знания и его характеристик.

Полноценное знание — это знание, о котором невозможно сказать «не-все». В психологическом же плане абсолютное знание по Ж. Лакану — это знание, в котором субъект достигает снятия расщепления, совпадения с самим собой, т.е. приходит к самоуничтожению. Ж. Лакан продолжает свои рассуждения и приходит к выводу, что абсолютное знание не может быть ничем иным, как точкой совпадения символического с реальным. Стоит обратить внимание, что это точка, а не место или пространство, т.е., по сути, конструируется объект, лишенный величины и зарождающийся только в случае выделения реального и символического как возможности решения гносеологических проблем. Единственная отсылка для определения смысла этого объекта (точки совпадения) — это не пространственная определенность, а временная данность. В результате мы получаем ответ не на вопрос, где, а на вопрос, когда. Как происходит совпадение реального и символического? Или же оно просто логическая форма указания недостижимого? У Ж. Лакана читаем: «Есть и другой регистр, дающий повод для размышления о функции языка, — это лепет любви. Заключается это явление в том, что на вершине блаженства или, напротив, в повседневной жизни, для каждого по-своему, человек наделяет своего сексуального партнера именем самого заурядного овоща или какого-нибудь отталкивающего животного. Это имеет, безусловно, непосредственное отношение к вопросу об ужасе анонимности. Не случайно с некоторыми из этих животных прозвищ и фигур более или менее тотемического происхождения мы встречаемся в фобиях. Дело в том, что между тем и другим имеется точка соприкосновения. Человеческий субъект особо подвержен, как мы вскоре увидим, опасности внезапного головокружения, и для того, чтобы оградиться от нее, он

испытывает потребность создать что-нибудь трансцендентное. В происхождении фобии это немаловажный фактор» [6, с. 24].

Снова фиксируется точка соприкосновения языка, фобии и трансцендентного, но речь идет только о порядке символического. Если человек не дает существовать порядку символического, то вместо него возникают разрозненные образы. То есть в случае, когда речи как речи нет, отсутствует рассказ, это точное указание на присутствующие в структуре личности рознь и распад, которые не собрались и не организовали устойчивую форму данности. Реальное, по мнению Ж. Лакана, — это или тотальная совокупность, или исчезнувшее мгновение. «В аналитическом опыте, для субъекта, Реальное — это всегда столкновение с чем-то, например, с молчанием аналитика» [там же, с. 46]. Обратим внимание на термин «столкновение с чем-то». Если говорить о точке совпадения символического с реальным, у нас возникает парадокс: символическое эмблематично, реальное — это с чем мы сталкиваемся. По сути, возникает место единства языка, столкновения, молчания. Точка совпадения переводит символическое в реальное, а реальное в символическое, т.е. исчезает противоречие между субъектом и объектом.

Как нам кажется, в этом случае речь идет все же не о науке. «Сколь бы глупым дискурс бессознательного ни казался, он отвечает чему-то такому, что связано с появлением на свет дискурса господина. Именно это и называется бессознательным. И оно, это бессознательное, заставляет науку себя признать, признать как факт» [7, с. 113]. По сути дела, в науке реализуется дискурс господина — в том основании, в котором это заложено общественными структурами. Ж. Лакан описывает случай трех уроженцев Того, которые после войны попали к нему на анализ. Ж. Лакану не удалось обнаружить ни следа племенных и национальных обычаев и поверий как данности в системе их личного опыта. Обычаи и поверья уроженцы Того воспринимали как этнографию, а не как реальные структуры их начального жизненного опыта. Лакан отмечает: «...бессознательное их функционировало строго по эдиповым правилам. Оно было им продано вместе с колониальными законами, этой формой дискурса господина, которая на фоне так называемого империализма выглядит регрессивной и экзотичной. Их бессознательное не было бессознательным детских воспоминаний — это бросалось в глаза — и детство было пережито задним числом в на-

ших семейных, фамильных традициях...» [7, с. 113]. Дискурс связан с интересами субъекта. Лакан предлагает следующую вещь: «...чтобы составить себе хотя бы малое представление о релятивизации дискурса науки, то есть получить хотя бы малейший шанс объективное этнографическое исследование проделать, необходимо, повторяю, не то что пройти через психоанализ, но даже, если такое бывает, психоаналитиком стать» [там же, с. 114].

Кроме того, нужно обратить внимание на проблему, связанную с указанной выше. «В современном процессе производства науки великие изобретения оплачиваются ценой все возрастающего распада теоретических образований», — отмечают М. Хоркхаймер и Т. Адорно в книге «Диалектика просвещения», написанной сразу после окончания Второй мировой войны [8, с. 8]. Отмеченные в этой книге проблемы в настоящее время не только не разрешились, но разрослись, теория все более и более распадается, заменяясь информацией, что предельно жестко определяет направление общественного развития, которое уже связывается не с новым научным знанием, а с заложенными в него структурами, отнесенными к прошлому опыту. Технологии весьма быстро и экстенсивно растут, закладывая тренд по сращиванию машинного и человеческого разума. Именно разума, а не творческого начала. Ведь новое может быть двух видов — новое, определенное прежней сущностью, и новое, порождающее новую сущность. Именно со вторым новым и возникают сложности, так как оно может изменить тренды мысли, мышления, данности и действительности. Можем привести несколько примеров из различных областей знания. А.С. Пушкину принадлежат заслуги по сущностному изменению русского языка, что сделало возможной великую русскую литературу. Фалес стал автором нового, измененного взгляда (не мифологического) на познание (само познание заложено как возможность, а не как действительность, что в смысловом плане можно раскрыть только в формах философского мышления, философских понятий и категорий) действительности, что открыло возможность для создания философии как формы мышления и формы познания. Предыдущие формы мировоззрения, такие как мифология и религия, ни при каких обстоятельствах не смогли бы ввести в мышление дихотомию понятий, порождающих противоречие, которое разрешается в самой системе мышления. Это возможно только в рамках новой формы мировоззрения, которой и стала философия.

Христианство как культура, как мировоззрение существенным образом отличается от великой античной культуры. Христианство породило многие структуры, актуальные для современности, но совсем не связанные с античными представлениями. Сказать, что тема смерти в античности является тем же самым, что и тема смерти в христианстве, — значит не понимать сущности рассматриваемых процессов.

Можно упомянуть исследователей, повлиявших на сущность знания о человеке и его психике, — З. Фрейда, М. Кляйн, Ж. Лакана, этой линии понимания человека не было до конца XIX в. И это далеко не все примеры.

Начиная с 60–80-х гг. XX в. в науке наступил кризис, который затронул прежде всего теорию естественных и гуманитарных наук. Новых теорий с новой измененной сущностью не возникло. В этой связи стоит обратить внимание на то, о чем мы уже рассказали в самом начале нашей статьи. Изобретение как данность уже может функционировать в системе экспертной оценки. Теория и ее рождение никогда не смогут попасть в экспертные формы, так как они связаны с изменением границ, а не с их удержанием, или, другими словами, они сопряжены с темой рождения нового.

Определим проблемы, существующие в современном научном познании, в том числе и в гуманитарном познании. Начнем со смыслового определения фактов в их комплексном описании с учетом субъективных характеристик:

1. Голые факты ничего не значат, но они всегда наделены значением, которое им не принадлежит. Это значение принадлежит теории.

2. Теория опирается на фантазию, в том числе детскую. Детские фантазии относятся к происхождению, предназначению и смерти. Стоит обратить внимание на то, что З. Фрейд прямо называл детские фантазии теориями.

3. У Ж. Лакана есть наблюдение, что «разъясное знание это, в том виде, в котором мы его в бессознательном обретаем, дискурсу науки чуждо» [7, с. 112–113].

4. Разъясное знание — знание истерическое, принадлежащее расщепленному субъекту. Нарратив — это то, что строится на рассказе, а наука конфликтовала с рассказами, так как рассказ отсылает к бессознательному и разъясному знанию. У Лиотара читаем: «...сетовать на утрату смысла в эпоху постмодерна — значит сожалеть, что знание не является в основном нарративным» [5, с. 69].

Что следует из изложенного нами выше? Фактов как фактов вне теории не бывает. Теория связана с фантазией и творчеством, кроме того, если мы остаемся в рамках фрейдизма, то энергетическое основание у человека одно — сексуальное. Сублимация сексуальности запускает творчество. Стоит обратить внимание на то, что З. Фрейд называет теориями только те фантазии, которые относятся к происхождению, предназначению и смерти. То есть психика должна развернуться к этим темам, сделать их актуальными для себя, что невозможно на инфантильной стадии развития индивида. Интересы, реализуемые в жизни, должны быть направлены на объект, но в системе внутренних переживаний, развитых ощущений и мыслительной деятельности; так же должны быть организованы и проблемы, что возможно только в том случае, когда пространство вокруг ребенка (если мы говорим о развитии как о возможности) стало многомерным и абсолютно неоднозначным, тогда может быть рождена дискурсивная форма. По сути, психика становится подходящей для принятия реальности, может принимать тему сопротивления и может рождать новые смыслы, которые изменяют реальность, создавая новое видение и новый путь.

В китайском мировоззрении существует очень красивая теория дао, оказавшая существенное влияние на культуру. Но в системе практической деятельности смыслы расставляются совершенно по-иному, чем в теоретических рассуждениях о дао. Дао-путь в даосском практическом понимании здесь воплощается в идеологию даосских тайных обществ, оказавших существенное влияние на историю Китая, в том числе современного. Речь идет не о теоретической конструкции с привязанной к ней системой значений, а о совершенно ином контексте и совершенно иной системе значений, возникших всего лишь из-за смещенной теории, которую перевели в совершенно иную по качествам практику. Из, казалось бы, мистической области пребывания дао мы попадаем в область совершенно реальных социальных и исторических процессов. Именно в области социума и истории раскрывается не теоретически дао без имени и дао с именем, исходя из фактов это просто другое наименование точки совпадения реального и символического, что не имеет вообще никакого отношения к воображаемому, которое, на первый взгляд, имеет непосредственное отношение к дао, в реальности картина совершенно другая.

Формы работы над собой могут быть совершенно различными, но задача — развернуться к фигурам молчания и умолчания, а это легче и полезней всего сделать для себя. Исходя из этого наука оказывается одним из частных способов выстраивания разъятого знания, но возникновение и происхождение этого знания связано не с наукой (наука является лишь формой выражения).

Совершенно неслучайным является комедийный образ исследователя и ученого, это происходит по очень простой причине: человек выступает в качестве функции или искусственно используется одна из его функций, человек не понимает характера имеющихся у него личных проблем, а используется для решения весьма ограниченного числа задач, которые в его жизни имеют гипертрофированное значение. В системе реальности такой человек воспринимается как чужак, а по сути, он инструмент для решения проблем, но инструмент, взятый в таком качестве, где по уровню психического развития он максимум может оказаться на уровне истерика. О чем нам и поведал Ж. Лакан: до колониального господина доросли ценой утраты национальных особенностей, что делать после этого в эпоху империализма? Человек адаптируется к структуре общественной жизни или не адаптируется, дискурс господина должен быть заменен на дискурс империализма, только тогда можно говорить об определенной форме дискурса, соответствующей общественным условиям. Если мы говорим об отечественной истории, возникает резонный вопрос: какой дискурс оказался реализованным в России в период революций, а также, исходя из формы этого дискурса, что было сделано с населением России в это время? Вспомним Лакана. У жителей Того (не просто жителей, а людей, получивших университетское образование в метрополии) эдипальное бессознательное, потому что они включены в систему метрополии: дискурс господина четко реализован, человек органичен дискурсу, несмотря на все его национальные и культурные особенности, которые становятся абсолютно несущественными, указывая лишь на данность этнографии. Судя по итоговым конкретным и объективным результатам революции — гражданская война и разруха, можем предположить, что у жителей России убрали всякое основание для эдипального развития, по сути уничтожив дискурс господина и заменив его психотическими основаниями, которые проявились в конкретных формах — ненависти, разрозненного знания и системы распада социальных отношений. Все

эти структуры для своего преодоления требуют гигантской дисциплины. Откуда возьмется дисциплина в состоянии распада? Если человек находится в этой системе как обыватель, то про разъятость знания нет речи — именно Речи, вместо речи только произвольно определяемые функции, а в основании жизненных установок лежит состояние распада, привычное с детства.

Нарратив и есть целостность жизни и целостность смысла, в которой нет места распаду. Если человек в детском или во взрослом возрасте дошел до понимания этого состояния, это и есть форма рождения новой реальности. Если говорить о конкретных жизненных ситуациях человека, не связанных с глобальными смыслами, то психоанализ, построенный на принципе реальности, весьма четко различает сексуальность и инфантильную сексуальность. В случае реализации в жизни второго сценария у человека весьма большие проблемы, а именно: видение и понимание процессов такое же, как у малого ребенка, не создавшего для себя многомерного пространства, воспринимающего вещи в придуманном виде, т.е. знание не соответствует действительности и расщеплено, а не разъято истерически, как в науке, организовано простым способом в контексте более примитивной структуры. По сути, у такого индивида адекватно не работает даже система соотношения себя с каким-нибудь полом. Человек сущностно не готов к отношениям мужчина-женщина не по физиологическим причинам, а из-за своего непонимания этих отношений, знание расщеплено, доступа к этому знанию нет только у самого субъекта, хотя по реакции окружающих об этом можно догадаться. Паниковский в «Золотом тельце» именно по этому поводу плачет, приговаривая: «Меня девушки не любят». Но это уже не расщепленное знание, а разъятое, остается соотнести его с объектом как с формой приближения к абсолютному знанию. Остается вопрос: по силам ли это Паниковскому? Именно в этой области и прячутся корни проблем научного знания, понимаемого как разъятое. Творчество — это совсем не то же самое, что работа с формами разъятого знания.

А. Кожев, комментируя Гегеля, отмечает следующее: «Как бы там ни было, философское или «научное», в гегелевском смысле слова, мышление, то есть мышление строго истинное стремится, посредством смысла связанного Дискурса (Logos), раскрыть бытие таким, как оно есть и существует в тотальности своей объективной Реальности. Таким об-

разом, философский, или «научный», метод должен обеспечивать взаимное соответствие мышления и бытия, причем мышление должно приспосабливаться к бытию и к реальности, не привнося в них никаких изменений. Это означает, что позиция философа, или ученого, перед лицом бытия и реального — это позиция чисто пассивного созерцания и что философская, или «научная», активность сводится к чистому и простому описанию реального и бытия» [9, с. 10].

Обратим внимание, что речь не идет о творчестве или о разработке нового метода, все находится в системе философского и научного познания. Пассивность может быть рассмотрена как структура сознания, соответствующая бытию и реальности, до той поры пока сознание не «успокоено» и не достигнуто соответствие мышления бытию, т.е. мышление только тогда проскальзывает в бытие или получает к нему допуск, когда оно приспособилось и стало соответствующим в той области, где мы можем перейти к «простому» описанию реальности и бытия. Тогда в этой простоте и исчезает зазор между мышлением и бытием, или же мы переходим к форме знания, которое внешне носит абсолютный характер, но абсолютным не является. Форма описания снимает разъятость знания, но, поскольку требуется описание, приблизиться к абсолютному знанию мы не можем. Если происходит «снятие», тогда что мы получаем в итоге? Некую форму описания, указывающую на точку соприкосновения реального и символического. Смущает только, что форма описания всегда будет отсылать к символическому, сопротивления реального здесь нет, оно включено в состояние пассивного, тогда пассивное и есть атрибуция мышления, создающая зону взаимодействия символического и реального. Возникает резонный вопрос: как быть со знанием? Описание в любом случае не знание, а описание. Тогда мы оказываемся отправленными к структуре личности, где есть формы распада, разъятия и неадекватности, что может быть производными формами от включенного дискурса. Как в таком случае не спутать реальную пассивность с грохотанием распада, старающегося спрятать себя под абсолютной невозможностью проговаривания в речи? Понять это можно не через систему понимания или значения, привязанную к объекту и указывающую на объект, а через понимание состояния, в котором находится индивид и общество, а для этого нужно знать и уметь различать соответствующие состояния, на что и указывают З. Фрейд и Ж. Лакан.

В экспертизе дела обстоят иначе, экспертное знание не считается, если оно не занесено в таблицу. В результате слова как будто подлежат научной агнозии. Слова не распознаются, когда выходят за рамки таблицы. В этой связи возникает ряд вопросов. Как можно проверить характеристики рамки таблицы и насколько они адекватны рассматриваемому явлению? Что такое рамка или рамки в данном контексте? Ситуация для эксперта может стать еще хуже, когда слова звучат и их нужно воспринимать на слух. Сила знания, при таком подходе, в зеркале. Точка силы — пункт сборки нарциссического образа на экране. Экспертное знание согласовано между экспертами, понятно им, подобно, гомологично, оно строится по зеркальному принципу образа и подобия. В результате знание оформляется как шар, имеющий завершенную форму и, как говорил Парменид про шар и шарообразную Вселенную, «себе тождественный всюду».

Другое дело — знание как паралогия изобретателей. Если творчество или изобретение оценивают эксперты, то решение любой творческой задачи приводит к паралогии. Нужно помнить, что паралогизм может быть трансцендентным. Например, у Канта разум начинает путать свои идеи и порождения с реальностью, неважно, какой — трансцендентальной, имманентной или действительной. Задача состоит в том, чтобы отличить паралогизм движения мысли к объекту новыми путями, с измененной логикой от обычных логических схем экспертных оценок. Логика решения задачи или логика постижения реальности зависит от данности, раскрывающей теорию. Кто знает, что нужно решать? В эпоху информатики, более чем когда-либо, вопрос о знании становится вопросом об управлении [5, с. 28]. Если мы говорим об управлении, то формы того, на что направлено внимание людей, исторически и идеологически подвержены изменениям. Капитализм, основанный на маркетинге, обладает следующей чертой: он смещает эксплуатацию с желания на влечение, а сам маркетинг превращается в нейромаркетинг. Б. Стиглер называет нейромаркетинг наиболее продвинутой стадией пролетаризации. Становление начинается с желания, экстаического желания выйти за пределы зеркальной формы. Стоит обратить внимание, что в случае индустрии развлечений нет желающего субъекта. Суть заключается в четком определении нарциссического образа и в желании выйти за пределы зеркала, где мы собрали этот образ, только тогда раскрывается суть, и, как понятно, это

совершенно невозможно сделать экспертно. Ж. Лакан резонно замечает: «Не дойдя в глупости до ее детской сути, непременно окажешься в дураках» [10, с. 224]. Суть глупости — детскость, отсутствие взрослости. В зеркале референции раскрытия сути, подобно тому как это делает Ж. Лакан, невозможно. Весьма часто массмедиа поддерживают глупость, но совершить подобное можно не через глупость, а через детскость; в манипуляции отношения подобия сохраняются только для того, на кого оказывается воздействие. Человек оставляет себя в качестве субъекта памяти и истории, подчинившись приказу Другого, господина сверх-я: «Наслаждайся». Этот приказ невыполним, так как за ним следует новый приказ: «Наслаждайся».

Экспансия сверх-я с его требованием «Можешь, значит, должен» носит космический характер. Но экспансия в построенном таким образом космосе безгранична, тогда вопреки всем идеологическим институтам поддерживается фигура «не-все». Ж. Лакан продолжает свои рассуждения: «...глупость, черта скотская, нуждается в пище» [7, с. 21]. А пища находится в области воображаемого. Обратим внимание, что у Канта ностальгия связана не с тоской по пространству, а с тоской по времени. Претерпевание потери себя незнающего — депрессия. Стоит помнить, что в гуманитарных науках речь идет не об обучающихся, а о неучах. Именно таким способом может быть осуществлено обретение себя и знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тюремная депривация в младенческом и раннем детском возрасте: постановка проблемы / Т.Л. Музычук, С.Б. Пономарев, А.А. Бурт, Б.А. Спасенников. — DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(1).10 // *Baikal Research Journal*. — 2019. — Т. 10, № 1. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22705>.
2. Цифровая криминология: метод цифрового профилирования поведения неустановленного преступника / А.П. Суходолов, М.А. Калужина, Б.А. Спасенников, В.С. Колодин. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).385-394 // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 385–394.
3. Суходолов А.П. Ценности и смыслы как основа СМИ. Потенциал блогосферы в создании новых информационных импульсов / А.П. Суходолов, И.В. Анохов. — DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).469-484 // *Вопросы теории и практики журналистики*. — 2019. — Т. 8, № 3. — С. 469–484.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — Москва : Ad Marginem, 1999. — 480 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — Москва : Ин-т эксперим. социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 160 с.
6. Лакан Ж. Имена-Отца / Ж. Лакан. — Москва : Гнозис, 2006. — 160 с.
7. Лакан Ж. Семинары / Ж. Лакан. — Москва : Гнозис, 2008. — Кн. 17. — 272 с.
8. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. — Москва : Медиум ; Санкт-Петербург : Ювента, 1997. — 312 с.
9. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля / А. Кожев. — Москва : Логос, 1998. — 208 с.
10. Лакан Ж. Семинары / Ж. Лакан. — Москва : Гнозис, 2004. — Кн. 11. — 304 с.

REFERENCES

1. Muzychuk T.L., Ponomarev S.B., Burt A.A., Spasennikov V.A. Prison Deprivation in the Infant and Early Childhood: Problem Statement. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(1).10. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22705>. (In Russian).
2. Sukhodolov A.P., Kaluzhina M.A., Spasennikov V.A., Kolodin V.S. Digital Criminology: the Method of Digital Profiling of an Unidentified Criminal's Behavior. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 385–394. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).385-394. (In Russian).
3. Sukhodolov A.P., Anokhov I.V. Values and Meanings as a Basis of Mass Media. The Blogosphere Potential in Creation of New Information Impulses. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 469–484. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).469-484. (In Russian).
4. Foucault M. *Surveiller et Punir: Naissance de la Prison*. Paris, Gallimard, 1975. 328 p. (Russ. ed.: Foucault M. *Nadzirať i nakazyvať. Rozhdenie tyur'my*. Moscow, Ad Marginem, 1999. 480 p.).
5. Lyotard J.-F. *La Condition Postmoderne*. Paris, Les Editions de Minuit, 1979. 128 p. (Russ. ed.: Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna*. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 160 p.).
6. Lacan J. *Les Noms du Pere*. Paris, 1963. (Russ. ed.: Lacan J. *Imena-Ottsa*. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 160 p.).
7. Lacan J. *Le Seminaire. Livre 17*. Paris, Le Seuil, 1991. (Russ. ed.: Lacan J. *Seminary*. Moscow, Gnozis Publ., 2008, Kn. 17. 272 p.).
8. Horkheimer M., Adorno T.W. *Dialektik der Aufklaerung*. Amsterdam, 1947. S. 54. (Russ. ed.: Horkheimer M., Adorno T.W. *Dialektika prosveshcheniya*. Moscow, Medium Publ., 1997. 312 p.).
9. Kojeve A. *Introduction a la Lecture de Hegel*. Paris, Gallimard, 1947. 448 p. (Russ. ed.: Kojeve A. *Ideya smerti v filosofii Gegelya*. Moscow, Logos Publ., 1998. 208 p.).
10. Lacan J. *Le Seminaire. Livre 11*. Paris, Le Seuil, 1973. (Russ. ed.: Lacan J. *Seminary*. Moscow, Gnozis Publ., 2004, Kn. 11. 304 p.).

Информация об авторе

Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, директор Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий, заведующий кафедрой философии и искусствознания, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: AtanovAA@bgu.ru.

Для цитирования

Атанов А.А. Данность, действительность, экспертная оценка в системе методологии гуманитарных наук / А.А. Атанов // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 359–371. — DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(3).359-371.

Author

Andrei A. Atanov — D.Sc. in Philosophy, Professor, Director of the Institute of Culture, Social Communications and Information Technology, Head of the Department of Philosophy and Art Studies, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: AtanovAA@bgu.ru.

For Citation

Atanov A.A. Intity, Reality, Expertise in System of Humanitarian Science Methodology. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2019, vol. 29, no. 3, pp. 359–371. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(3).359-371. (In Russian).